

Виктория Коритнянская

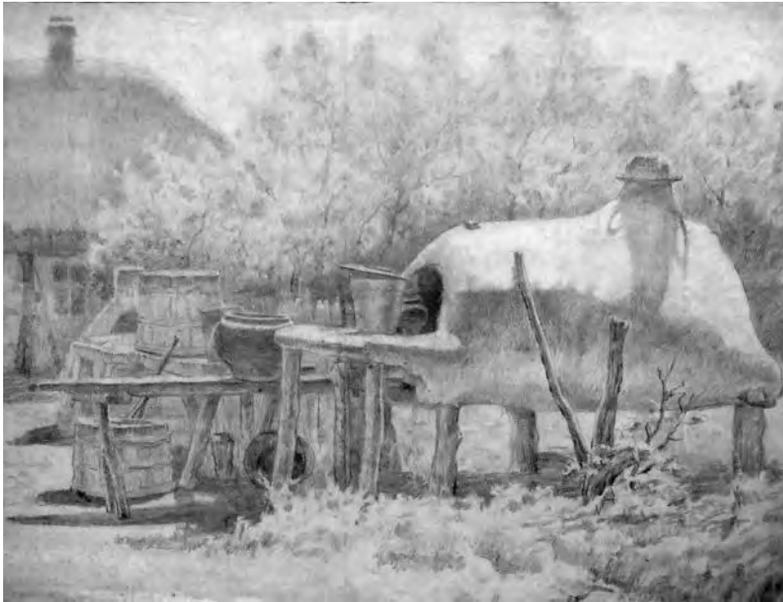
Одесские корни Николая Кужелева

Николай Георгиевич Кужелев (20.01.1942, г. Одесса – 03.10.2017, г. Киев).

Художник театра. Член Национального союза художников Украины. Кавалер ордена «Знак почета». Творческий путь начал в Харьковском театре юного зрителя с декораций и костюмов к японской сказке Дзюдзи Киноситы «Журавлиные перья».

Работал с Харьковским государственным академическим театром им. Т.Г. Шевченко, Харьковским национальным театром оперы и балета им. Н.В. Лысенко, Харьковским академическим театром музыкальной комедии, Национальным академическим драматическим театром им. И. Франко (г. Киев), Киевским академическим театром юного зрителя на Липках, Одесским академическим украинским музыкально-драматическим театром им. В. Василько, Одесским театром юного зрителя им. Юрия Олеши, Одесским академическим русским драматическим театром им. А. Иванова, Академическим музыкально-драматическим театром им. Леси Украинки в Каменском (бывшем Днепродзержинске), Кировоградским украинским академическим музыкально-драматическим театром им. М.Л. Кропивницкого, Черкасским драматическим театром им. Т.Г. Шевченко, Николаевским академическим украинским театром драмы и музыкальной комедии и др.

Оформил более ста спектаклей, среди которых: «А зори здесь тихие...» Б. Васильева, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Пятая колонна» Э. Хемингуэя, «Трагик поневоле» А. Чехова, «Двенадцатая ночь» и «Ричард III» В. Шекспира, «Живой труп» Л. Толстого, «Блоха» Е. Замятина, «Калигула» А. Камю, «Доходное место»

«На подвір'ї». 1962-63 гг.

А. Островского, «Черевички» по повести Н. Гоголя «Ночь перед Рождеством» и др.

Участник союзных, республиканских и международных художественных выставок. Инициатор проведения первой республиканской выставки молодых театральных художников (1969 г., г. Харьков). Иллюстратор. Автор цикла театральных плакатов к произведениям Жана Ануя, живописных серий «Бахчисарай», «Крым», «Одесса», «Киев», «Турция». Автор книги «Жизнь, отданная искусству», сборника поэзии «Остаюсь весенним».

Произведения художника находятся в собраниях Одесского художественного музея и Музея театрального, музыкального и киноискусства Украины, Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина (г. Москва, Россия), частных коллекциях Японии, Франции, Израиля, США, Канады, Германии, Украины, России.

Идея написать о Николае Георгиевиче Кужелеве пришла ко мне не случайно. Организация, в которой я работаю, – Одесский филиал Национального научно-исследовательского реставрационного центра Украины – разместилась в Вознесенском переулке, в небольшом, но очень милом особняке начала XX в. После революции этот дом был превращен в коммунальную квартиру. Две комнаты в нем занимала семья Кужелевых. Николай Георгиевич провел в этих стенах свое детство и юность. Художник, живший и творивший в этих стенах когда-то. Материал показался мне интересным. Я узнала домашний телефон художника и позвонила. Трубку подняла жена – Ольга Григорьевна. От нее я узнала, что Николай Георгиевич болен. Болен настолько, что уже не сможет рассказать о себе и своей жизни в Одессе. Мы разговорились. Ольга Григорьевна рассказала о Коленке – только так называет она супруга – все, что знала о его детстве и юношестве. В ее воспоминаниях – добрый одесский мальчишка в окружении любящих родителей, друзей и соседей. Мне захотелось узнать больше. Начался кропотливый поиск. Дворец пионеров (в настоящее время Одесский городской дворец детского и юношеского творчества. – **В. К.**), в котором маленький Коля сделал свои первые шаги как художник. Одесское театральное училище, где он на отделении бутафорского искусства учился на протяжении четырех лет. Харьковский художественный институт (в настоящее время Харьковская государственная академия дизайна и искусств. – **В. К.**), в стенах которого в мастерской Б.В. Косарева раскрылся в Н.Г. Кужелеве яркий талант театрального художника. Запросы возвращались однообразными ответами: сведения отсутствуют, архив не сохранился, утерян.

В журналах и газетах 70-80-х годов – с десятков коротких заметок (в колонках «Театральные премьеры», «Новости театра и кино» и др.). Почти в каждой – положительный отзыв о работе сценографа Н.Г. Кужелева. О нестандартном подходе и изобретательности при создании декораций, о своеобразии и яркости оформления, о красочности и исторической правдивости костюмов, об умении уловить и точно отобразить суть пьесы, узнаваемости почерка художника и его большом удивительном таланте. В газете «Культура і життя» (2002 г.) – одно интервью.

В нем Николай Георгиевич называет себя творцом, художником-шестидесятником, воспитанным на настоящем театре и не желающем мириться с «коллективизмом ягнят». Кужелев считает, что театр – «условное зеркало жизни», он не признает на сцене реализма и в создании «образа» пьесы видит главную задачу художника-сценографа. Иероним Босх, Рафаэль, Гойя и скульптор Роден для него – примеры величия человеческого духа. «Мы не должны придумывать себе кумиров, – говорит Николай Георгиевич и в конце интервью добавляет: – Личный пример родителей – основа будущего мироощущения и всех желаний ребенка в будущем».

На сайте «Енциклопедія сучасної України», в разделе «Культура» о Николае Георгиевиче – стандартный набор безучастных в своей деловитости сведений: дата рождения, перечень названий учебных заведений и театров, в которых учился и работал. Всё. Я недоумевала. Довольно известный художник, много лет успешно творивший в Украине, а о нем – почти ничего... Уверена, потомкам еще предстоит осознать и изучить творческое наследие художника, но оставим это искусствоведам, театроведам и критикам. Этот очерк – попытка увидеть в Н.Г. Кужелеве человека и те окружение и среду, в которых жил и творил талантливый художник.

Из воспоминаний подруги детства, главного хранителя Одесского художественного музея Л.А. Ерёминой

– Коля с родителями жил над нами, на втором этаже. Они занимали две комнаты. Мама его, Ольга Константиновна, плохо слышала, и по вечерам папа Коли громко читал ей новости из газет. Когда было тепло, нам все было слышно через открытые окна... Во дворе слева от фонтана росли два больших ореховых дерева. Ольга Константиновна за ними ухаживала. Осенью, когда падали орехи, она собирала и делила их поровну на кучки по количеству живших в доме семей. Было всем такое угощение...

Нас во дворе было одиннадцать детей, почти все ровесники, погодки. Очень дружные были, все время вместе: вместе в школу, вместе из школы, в булочную, за керосином. По бокам во дворе стояли дровяные сарайчики. Летом нам стелили возле них коврики. Мы играли там в индейцев, разбойников, в войну. С Тузиком – собачкой нашей. Она пушистая была, и Пишоха Иван Григорьевич –

жилец со второго этажа, делал ей стрижку, как у льва, с гривой и кисточкой на хвосте... Куклы мастерили: вырезали из картона фигурку, из лоскутов шили одежду, рисовали глазки, ротик, прическу делали из «волос» кукурузы. Очень красиво выходило...

Мы интересно жили. Не то что сейчас дети. В переулочек все время приходили разные люди. Жестянщики, торговцы рыбой, точильщики ножей, парикмахеры, старьевщики. Они шли мимо домов и кричали – зазывали народ. Мы, как слышали, сразу выбегали, конечно. Интересно же, особенно у старьевщика. Смотришь в его повозку, а там – чего только нету... Люди сразу в очередь становились, кому что нужно было, кому ножи поточить, кому кастрюлю починить. Помню, еще приходил один старик, приносил камбалу. Большую такую (широко разводит руками. – **В. К.**), хвост по земле волочился. Он ее, как ранец, на спине носил. Хозяйки выходили, показывали, сколько им нужно, и он тут же на каком-то пне рубил эту рыбу топором...

На втором этаже в большой комнате, где сейчас большой реставрационный зал, жила Таня Погромская. Ее мама Надежда Флоровна была заведующей гинекологическим отделением в Еврейской больнице, а папа работал в горисполкоме. На Новый год они всегда наряжали елку и иногда приглашали нас, детей, в гости.

Кужелевы бедно жили. Когда совсем было плохо, мама шла на Привоз и продавала Колины рисунки (позднее, чтобы уберечь сына от неприятностей, Ольга Константиновна продавала их, выдавая за работы своего мужа Г.А. Кужелева. – **О.Г. Кужелева**). Этого хватало на что-то... Тогда все бедно жили. Нечего было прятать. Мы комнаты не закрывали, всегда нараспашку. Летом только марлевая занавеска висела. Жили открыто, как родственники. Помогали друг дружке. Когда кто-то умирал, хоронили всем двором. Гроб несли на руках по Водопроводной улице до самого кладбища. Все дети – впереди колонны с венками. Помню, нас одевали тогда во все нарядное, натирали зубным порошком ботиночки. Чтобы было красиво...

Коля был добрым, хорошим мальчиком, всегда рисовал. Очень красиво. Дворик наш, дом... У меня несколько его работ дома висят. Я вам покажу их, увидите, какие это чудесные пейзажи.

«Портрет отца». 1950-е гг.

Из воспоминаний друга юности, заслуженного художника Украины, главного художника Одесского театра юного зрителя им. Юрия Олеши Н.М. Вилкуна

– Я познакомился с Николаем в училище, он был на пару лет меня младше. Мы как-то сразу сдружились. Николай был очень интеллигентным, воспитанным мальчиком, очень много читал, и родители у него замечательные, очень гостеприимные. У них не было телевизора, было много книг. Коля – поздний ребенок от второго брака, мама его обожала. Отец

был для него авторитетом. Они с Колей любили рыбачить. Шли на Ланжерон, выходили на лодке в море ловить ставриду. Я редко составлял им компанию, был к рыбалке равнодушен. Иногда мы рыбачили вместе. Однажды, помню, когда Коля уже работал в Одессе, рано утром мы вышли в море, и из порта вышел «Адмирал Нахимов». Пароход медленно прошел совсем близко от нас и скрылся за горизонтом. Это был его последний рейс...

Николай всегда хотел быть художником, он овладевал этой профессией очень осознанно и настойчиво. Это была цель его жизни. Влюбленный в искусство, очень искренний, компанейский человек. Мы ездили вместе с ним на этюды, праздновали дни рождения. Я часто бывал у них дома. Мама – очень добрая, симпатичная, милая женщина. Папа – очень статный, высокий. Работал в Гипрограде, была такая проектная организация на Греческой площади, там «Таврия» сейчас.

В училище мы дружили со многими ребятами. Из нашего «кружка» вышло много знаменитых, замечательных людей: режиссер Леонид Осыка, Юра Коваленко, Михаил Шишлянников – художник Мариинского театра, актер и режиссер,

председатель Национального союза кинематографистов Украины Борис Савченко, диссидент, поэт Олесь Різників, я, Коля... Я не помню, чтобы мы хотели что-то еще, мы всегда хотели стать художниками. Об этом были все наши разговоры, все книги, все мысли.

Судьба его сложилась... Не то чтобы плохо... Николай уехал в Харьков, там женился (первая жена Н.Г. Кужелева – главный художник Харьковского академического драматического театра им. Т.Г. Шевченко, заслуженный деятель искусств Украины Татьяна Медведь. – **В. К.**), работал в Харьковском ТЮЗе. Потом в театре случился пожар. Загорелась сцена, знаете, синтетические декорации... они вспыхнули мгновенно. Он спасся чудом, смог выбраться по крыше. Тогда же развелся с женой. Понимаете, он все потерял... Приехал в Одессу. Здесь работал. В Украинском театре, в ТЮЗе. Я помогал, устроил Коле поездку в дом творчества «Сенеж». Он вернулся отдохнувшим. У Николая в Одессе было несколько персональных выставок, в Доме актера, во дворе филармонии. В Одессе он встретил свою вторую жену Олю. Знаете, как-то он был связан с этим именем, у него мама Оля, вторая жена Оля. Две Оли, которых он очень любил. Потом уехал в Киев, работал там по договору, делал выставки, что-то писал... Жил, в принципе, неплохо...

Мне кажется, 90-е, перестройка ударили по Николаю. Он был очень ранимый, тонкого душевного склада человек. Его в детстве очень опекали родители, наверное, поэтому он не смог справиться со всем этим... Плюс – он перестал быть востребованным. Художнику важно творить, важно быть нужным... Думаю, все это сыграло роль... Через время он заболел...

Из воспоминаний коллеги, актрисы Одесского театра юного зрителя им. Юрия Олеши, заслуженной артистки Украины В.Ю. Губской

– Мы очень дружили с Колей. Он был очень добрым, но в то же время закрытым человеком. Часто бывал у нас дома. Помню, когда моей дочери Юльке было десять лет, она принесла из школы четыре двойки. Это было седьмого марта – такой вот подарок на праздник маме! Я ее отругала, конечно. Она закрылась у себя в комнате. Пока сидела там, надергала из веника веточек, сделала

из них кисточки и нарисовала свой портрет. А вечером уже, восьмого марта, вышла, выставила его – вот, мол, тебе настоящий подарок! И как раз пришел Коля, посмотрел, спрашивает:

– Валь, а кто это нарисовал?

А я возмущаюсь:

– Юлька! Весь веник мне извела!

А он:

– Слушай, у нее талант, с ней заниматься нужно.

А через пять дней снова пришел, просит у меня портрет. Я спрашиваю:

– Зачем?

А Коля говорит:

– Этот портрет требует обрамления.

Он сам сделал к нему раму из вишневого дерева. Она очень украсила, подчеркнула Юлин рисунок.

Впервые я столкнулась с Колей на репетициях спектакля «Коварство и любовь» по Шиллеру. Это был очень глубокий, красивый спектакль. Я играла в нем леди Мильфорд. У Коли было очень теплое и уважительное отношение ко всем актерам. Мы больше никогда такого не знали. Он говорил с актерами, обсуждал с ними все детали, прислушивался к мнению каждого. Актерам было комфортно играть на сцене с Колиным оформлением, им было удобно в его костюмах. В «Коварство и любовь» у меня было роскошное платье: бархат и шифон в сиреневых тонах. Когда спектакль сняли, я рыдала.

Коля был очень талантлив. Высочайшей культуры человек. Был доброжелателен, но всегда умел настоять на своем, без шума и крика. У него были очень добрые, излучающие свет глаза. Это помогало ему в спорах, он обезоруживал человека глазами...

Из воспоминаний коллеги, актера Одесского театра юного зрителя им. Юрия Олеши И.Ю. Тильтикова

– Я пришел в театр в 1976 году, Коле было 34, молодой энергичный мужчина. В 78-м он оформлял спектакль «Одуванчик», я играл в нем Хорька. У меня был костюм – жилетка с каким-то мятым мехом. Получился очень удачный яркий образ такого, знаете, запаршивленного злодея.

Коля очень ценил мнение актера. От художника в театре многое зависит, именно он дает ощущение сцены, задает общий настрой. В ТЮЗе главным режиссером тогда работал Н. Тараненко, у них с Колей сложился удачный тандем. Тараненко не приступал к репетициям, пока они с Колей не приходили к единому мнению. Николай показывал ему макет и, если режиссерский замысел был воплощен, если видение режиссера совпадало, с тем, что показывал Коля, – начинались репетиции.

Мы дружили, часто ходили в гости друг к другу. Коля – хороший поэт, творчески разноплановый, высочайшего интеллекта человек. Умел держать слово. Писал стихи, но я никогда не слышал, чтобы он читал их. Хотя, помню, его жена Оля рассказывала, что Коля очаровал ее именно стихами. Она пришла к нему в гости, он стал читать ей стихи.

– Ну как после этого можно было в него не влюбиться? – спрашивала она, сияя глазами.

Коля был известным востребованным художником. Работал с театрами многих городов Украины. Его оформления не были похожи друг на друга, он мог несколькими штрихами воссоздать атмосферу, сделать узнаваемым интерьер. У Коли получались красивые спектакли. В «Коварство и любовь» в двухэтажных декорациях на втором этаже висел гобелен. Не знаю, как Коле это удалось, но изображение на нем было трехмерным, как 3D. Сейчас этим никого не удивишь, а тогда, в 79-м, это было что-то необыкновенное...

Из воспоминаний жены художника, виолончелистки, старшего преподавателя, зав. струнно-смычковым отделом ДМШ № 28 (г. Киев), педагога высшей категории, члена жюри Международного конкурса Е. Станковича О.Г. Кужелевой

– Коля часто рассказывал о своей жизни в Одессе. Он собирался писать об этом, несколько раз начинал и забрасывал. Теперь уже не вспомнит. Он очень любил Одессу. Всегда приходил в переулок. Его пускали во двор, разрешали подняться на второй этаж и зайти в комнаты. В них все переделано, конечно, даже вход не там. Но само место – оно притягивало. В последний раз почему-то не пустили...

Помню, у них в комнате посередине стоял стол, а по углам – шкаф и буфет. Сбоку стояла кровать, на ней на руках у Коли умер его отец...

На буфете стояла картинка дуэли Лермонтова и большие каминные расписные часы. Когда-то давно их купил дедушка Коленьки по маминой линии. Как-то он шел домой, увидел их и не смог устоять – купил. Они были, наверное, самой дорогой вещью в доме... По маме они одесситы, жили на Градоначальницкой. Дедушка был довольно известным в городе мастером по росписи карет, а бабушка

Соня занималась домом. В выходные она нанимала извозчика и ехала на Привоз покупать продукты. Во время войны мама Коленьки спрятала эти часы и книги в дрова, был у них во дворе маленький такой сарайчик. Часть этих книг до сих пор стоит у нас в шкафу...

Мама Коленьку любила очень. Она за папу Коли вышла, тот был вдовец с двумя почти взрослыми детьми. А потом, через время, родила. Когда беременная ходила, почти перед родами случился с ней один случай. Она шла по Пироговской, ее остановили румыны, ударили автоматом прямо в живот (описываемые события и рождение Н.Г. Кужелева происходили во время оккупации Одессы немецко-румынскими войсками. – **В. К.**) Такая жестокость... Она потеряла сознание, добралась потом как-то домой... Переживала очень, но, к счастью, все обошлось. Родила Коленьку на каком-то холодном мраморном столе, в роддоме были выбиты все стекла, а на улице мороз – минус двадцать, представляете? У мамы была одна новая простыня, в нее-то Коленьку, как родилась, и завернули.

«Семейный натюрморт», 2004 г.
На картине изображены те самые
купленные дедушкой Н.Г. Кужелева
расписные часы

Тяжело было очень, Коля маленький, двое детей, больной муж (отец Н.Г. Кужелева участвовал в сооружении оборонительных позиций города Одессы, заболел фурункулезом, впоследствии был комиссован). Жили бедно. Бывало, денег совсем нет, но мама шла на Привоз купить одного бычка – мальчику нужна рыба... Мама – чистюля, большая умница. Все старенькое, но чистое, зашитое. Была осторожной, помню, всегда одергивала папу, говорила ему: «Тише! Молчи!». А папа был боевой, не боялся...

Как-то, помню, мама рассказывала. Летом двор по краям зарастал высокой травой, и дети играли там в индейцев. Однажды Коленька нашел в траве семечку.

«Семено! Семено!» – закричал он и, потрясая семечком в вытянутой руке, бросился вверх по лестнице, чтобы показать, поделиться с ней своей находкой.

Коленька с детства хорошо рисовал. Когда ему исполнилось шесть лет, родители повели его во вновь открытый после войны Дворец пионеров. Преподаватель по рисованию Гитя Александровна попросила его нарисовать хорька. Коленька справился с заданием, но его не приняли, так как он был еще мал и не был пионером. Сказали, что мальчик может посещать занятия, только платно. Но денег в семье не было, и родители не могли себе это позволить. А когда Коленьке было восемь, он принял участие в каком-то конкурсе детского рисунка. Я не знаю, был ли Коленька победителем, но точно известно, что после конкурса родители получили письмо от известной художницы, по-моему, она была в жюри, Татьяны Яблонской (к сожалению, письма и воспоминаний об этих событиях в архиве Т.Н. Яблонской не сохранилось. – **В. К.**). В письме она приглашала талантливого мальчика учиться в Киевской художественной школе. Но родители побоялись отпустить Колю – далеко, он еще маленький... Они написали Татьяне Ниловне письмо, в котором подробно объяснили причины отказа, и тогда Яблонская обратилась к дирекции Дворца пионеров с просьбой, чтобы Коленьку приняли учиться в рисовальную студию бесплатно. Так Николай снова вернулся к Гите Александровне (в 90-х гг. Гитя Александровна эмигрировала в Израиль, сведения о ней и Н.Г. Кужелеве в архиве Одесского городского дворца детского и юношеского творчества не сохранились. – **В. К.**).

На Коленьку огромное влияние оказывал папа. Именно он настоял, чтобы Коля вместо техникума измерений, куда он хотел поступать после школы (Н.Г. Кужелев окончил 79-ю школу, учился на «хорошо» и «отлично»), подал документы в художественное училище. Но там набор был уже закончен, и тогда Коленька поступил в Одесское театральное училище на бутафорское отделение (в архиве училища о Н.Г. Кужелеве сохранилась одна учетная запись – о том, что он студент 4-го курса бутафорского отделения. – **В. К.**). Из воспоминаний мужа об училище помню историю сдачи выпускного экзамена. Тема диплома была «канделябр в палате Ивана Грозного», но Коленька так увлекся, что кроме канделябра воссоздал интерьер царской опочивальни. В училище как раз в это время были какие-то переезды. Коленьке нужно было все это перевезти на Торговую, но декорации были такими большими, что не влезали ни в одни двери. Тогда Коля с папой решили поднимать их на веревках через балкон. Наняли биндюжника, привезли, стали поднимать и... Веревки оборвались, работа полетела вниз, разбилась. Не знаю, как Коленька вышел из ситуации, но диплом он защитил.

При поступлении в Харьковский институт (сведения о Н.Г. Кужелеве в архиве вуза не сохранились. – **В. К.**) был конкурс 10-15 человек на место, и Коленька был одним из шести, лично отобранных на курс Василием Косаревым (за композицию «Сварщики трамвайных путей»).

Коленька очень любил свою работу. Полностью отдавался ей. Порядочный, честный, не способный на творческий компромисс человек. Был очень требовательным к себе, мог переделывать по многу раз то, что, по его мнению, было не так. Его любили в театре, он со всеми находил общий язык. Помню, в постановке «А зори здесь тихие...» главная героиня в конце тонет, и Коленька придумал изобразить воду на сцене с помощью сетей, связанных из канатов. Эти сети потом двигались, выходило, как будто бужут волны. Очень эффектно... Их вязали в каком-то цеху женщины, у них было мало времени, а они не понимали, как это делать, и возмущались. Коленька пришел к ним, они стали жаловаться, а он, улыбаясь, сел, принялся вязать, показывая: «Вот так, вот так!». Работа была выполнена к сроку.

«Хлеб». 1950 г.

В Одессе Коленька работал над несколькими спектаклями. Особенно оригинальным получилось у него оформление к спектаклю «Черевички». На сцене соорудили вертеп, у актеров были очень самобытные, яркие, в украинском духе костюмы. В газетах Одессы много писали об этом, хвалили. Это было событие в культурной жизни города. Коленька придумал разукрасить все декорации в этом спектакле светящейся в темноте краской. Помню, на гастролях в Риге идет представление, вдруг в зале гаснет свет, и все на сцене начинает светиться. Первые секунды – тишина. Потом – гром аплодисментов художнику. Это было потрясающе...

В середине октября, позвонив Ольге Григорьевне, я узнала, что Николая Георгиевича не стало. Оказалось также, что она в Одессе – привезла прах мужа в родной город. На следующий день мы встретились. Ольга Григорьевна пришла с сестрой. Мы поднялись на второй этаж и зашли в одну из комнат, где жил когда-то Николай Георгиевич с родителями. Постояли. Ольга Григорьевна обвела взглядом белые стены, вздохнула, потом, улыбаясь, по-

смотрела в окно. В уютном дворике было все, как раньше, – фонтан, круглые кроны старых шелковиц, ажурная решетка черных ворот... Все, как раньше, только без Коли...

Н.Г. Кужелев похоронен в Одессе рядом с любимыми родителями, на Таировском кладбище.

Одесский период творчества Н.Г. Кужелева

Одесский академический украинский музыкально-драматический театр им. В. Василько

1. «Красные дьяволята». Авт. П. Бляхин, А. Полевой, А. Толбузин. Реж. В. Туманов. Премьера 28.12.77.
2. «Черевички». Инсценировка В. Василько (по Н. Гоголю). Реж. В. Туманов. Премьера 22.04.78.
3. «Эксперимент». Авт. Я. Верещак. Реж. В. Туманов. Премьера 05.12.78.

Одесский театр юного зрителя им. Юрия Олеши

1. «Не склонить головы» по пьесе И. Буковчана «Снег над кедром». Реж. Н. Тараненко. Премьера 23.06.77.
2. «Веселое время». Авт. М. Бременер. Реж. Н. Тараненко. Премьера 24.12.77.
3. «Трубадур и его друзья». Авт. В. Ливанов, Ю. Энтин. Реж. Б. Светличный. Премьера 19.03.78.
4. «Остановите Малахова». Авт. В. Аграновский. Реж. Н. Тараненко. Премьера 30.06.78.
5. «Одуванчик». Авт. А. Бруштейн. Реж. А. Булыга. Премьера 27.12.78.
6. «Коварство и любовь» (по Ф. Шиллеру). Реж. Н. Тараненко. Премьера 24.06.79.
7. «Приключения в загородном доме». Авт. Э. Низюрский. Реж. А. Булыга. Премьера 26.07.79.
8. «Белоснежка и семь гномов». Инсценировка Л. Устинова, О. Табакова (по Я. и В. Гримм). Реж. Н. Ермоленко. Премьера 28.12.79.

9. «Атомино». Авт. М. Арджилли. Реж. А. Булыга. Премьера 23.03.80.
10. «День открытых дверей». Авт. И. Ольшанский, Н. Руднева. Реж. В. Туманов. Премьера 23.07.80.
11. «Гуманоид в небе мчится» по пьесе А. Хмелика «А все-таки она вертится!». Реж. В. Туманов. Премьера 25.12.80.
12. «7 криков в океане». Авт. А. Кассон. Реж. Б. Зайденберг. Премьера 29.06.81.
13. «Свободное небо». Авт. Л. Устинов. Реж. В. Туманов. Премьера 24.03.82.

Одесский академический русский драматический театр им. А. Иванова

1. «Репетитор». Авт. Г. Полонский. Реж. В. Терентьев. Премьера 27.07.78.
2. «Соловьиная ночь». Авт. В. Ежов. Реж. К. Чернягов. Премьера 03.05.80.

Стихи Н. Кужелева

Художник

Из месива красок, из хаоса звуков,
Из тайных кладовок природы могучей
Талант извлекает в сомненьях и муках
Гармонию цвета и рифмы певучей.

А кажется – будто всегда это было,
И цвета игра, и оркестра звучанье...
Не знает никто, как металась и ныла
Душа у того, кто добился признанья.

Не знает никто, где искал вдохновенья,
Какими слезами душа обливалась...
А сколько потратил труда и терпенья,
Когда над безумцем толпа насмеялась...

И если писал не для ветреной славы,
И верил лишь Музе – прекрасно-свободной,
То станет навечно любимым по праву
Без имени автор,
А песня – народной...

Пока я жив

Пока я жив – туман клубится,
И стройные березы нежно шелестят,
Пока я жив – меж скал ручей струится,
И женщины мне дарят нежный взгляд.

Пока я жив – в садах смеются дети,
И соловьи поют наперебой,
Пока я жив – встречаюсь на рассвете
С волною, солнцем и с тобой...

Пока я жив – твои глаза красивы,
И волосы струятся по плечам...
Пока я жив – живут любви приливы,
И нежный шепот слышен по ночам...

Пока я жив – сюрпризы шлет природа,
Вдруг из-за туч проглянет неба синь.
За горизонтом сгинет непогода...
Пока я жив – держусь за жизнь.

